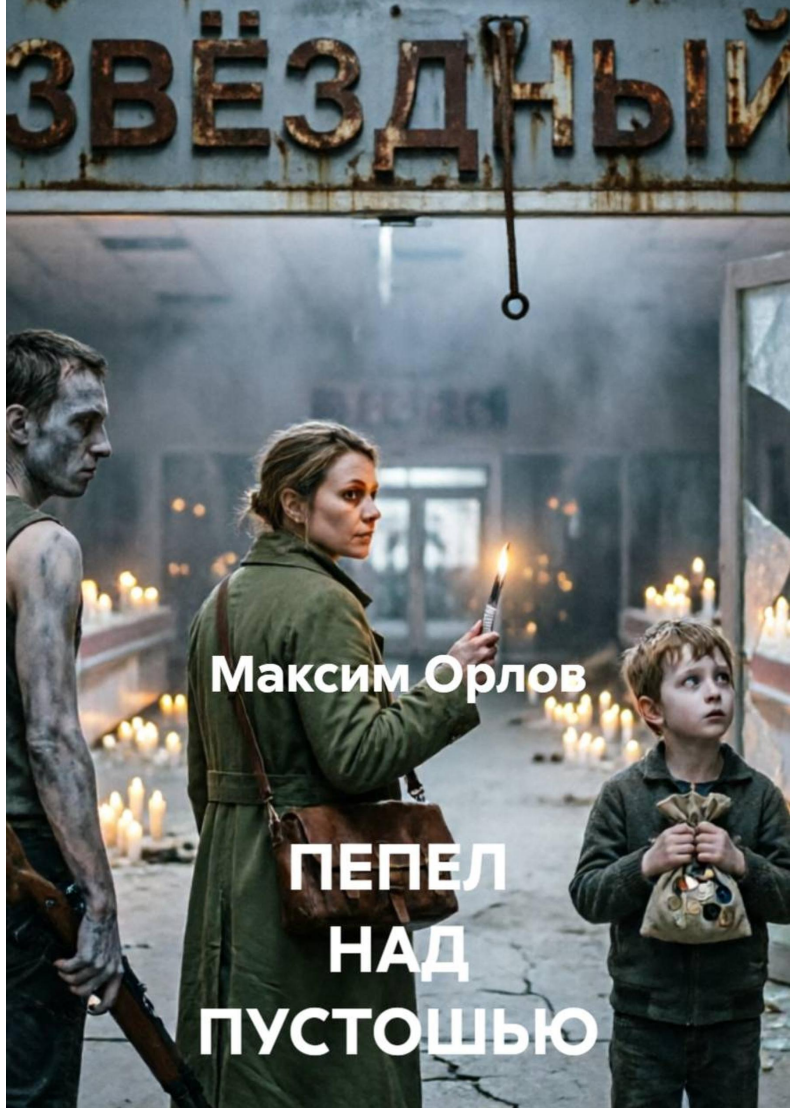

Максим Орлов

ПЕПЕЛ
НАД
ПУСТОШЬЮ

Максим Орлов

ПЕПЕЛ НАД ПУСТОШЬЮ

<https://litres.ru/74324038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года после Выгорания. Мир стал игрой, которую никто не придумывал. Максим «Тень» не смотрит в зеркала. Настя «Косторез» слышит мёртвых. Женя считает пуговицы. Денис молчит три года. Система ведёт их на север, к ТЦ «Звёздный», где живёт призрак с отметкой «опасность 8/10» — девушка, которую заперли на двадцать два дня. Она вернулась. И указывает дорогу к тому, кто её убил. Постапокалипсис, хоррор и LitRPG на одной дороге — о тех, кого мир не принял, но кто остался человеком. Каждая глава открывается карточкой квеста. Правильного ответа нет — есть только тот, с которым можно жить.

Содержание

Глава 1 «ПЕПЕЛ НАД ПУСТОШЬЮ»	4
Глава 2 «ЗОВ СЕВЕРА»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Орлов

ПЕПЕЛ НАД ПУСТОШЬЮ

Глава 1 «ПЕПЕЛ НАД ПУСТОШЬЮ»

Мир не просыпался. Мир продолжался.

Небо над Пустошью висело серым полотном — не облачным, не туманным, а именно полотном, натянутым на каркас из бетонных скелетов бывших городов.

Солнце здесь не восходило. Оно присутствовало. Где-то за

серой пеленой, как лампочка в матовом плафоне морга: света достаточно, чтобы видеть, но недостаточно, чтобы вспомнить, каким бывает тепло.

Ветер нёс пыль. Не песок — пыль. Мелкую, серую, с привкусом железа. Она оседала на руинах, на остовы машин, на кости, которые никто не убирал. Пыль пахла. Всем миром пахло одним — металлом, горелой проводкой и чем-то сладковато-гнилым, что пропитало бетон насквозь за три года после Выгорания.

Где-то далеко, на востоке, вспыхнула аномалия — синий огонь без дыма. Вспыхнула и погасла. Никто не обратил внимания. Аномалии здесь были как грозы в средней полосе: привычное неудобство, с которым научились жить. Земля гудела.

Низкий, почти инфразвук, который не слышишь ушами, а чувствуешь животом. Земля стонала. Или, может, дышала. Те, кто выжил в первые месяцы, называли это «гулом Пустоши». Те, кто не выжил — уже ничего не называли. Он открыл глаза. Не проснулся — именно открыл. Перехода не было. Секунду назад — темнота, секунда сейчас — серый потолок из бетонных плит с торчащей арматурой. Тело не потягивалось, не ворочалось. Оно включалось. Как механизм. Как старый танк на морозе: медленно, с натугой, но без сбоев.

Три часа сорок семь минут.

Цифры всплыли в голове сами — не высчитанные, а дан-

ные. Словно кто-то вбил их в подкорку. Он моргнул. Цифры остались. Он знал: тело не врёт. Полузомби считают время точнее любых часов, потому что их внутренние ритмы перестали быть человеческими.

Четыре часа сна. Минимум. На пятом часу приходит она. Лена. Сестра. Шестнадцать лет, розовая куртка, запах порошка «Аист», мародёры, двадцать минут опоздания. Она приходит каждую ночь на пятом часу, шепчет: «Макс, тут темно», и грудь сжимается, будто сердце взяли в кулак. Он не доспал двадцати трёх минут. Значит, сегодня — подарок. Значит, Лена не пришла. Или пришла, но не нашла его.

Он сел.

Бетонный пол холоди ладони — не холоди, потому что левая ладонь не чувствовала холода. Серая кожа от запястья до локтя. Ровная граница, как по линейке. Здесь — пепел. Здесь — розовое. Живое. Три года назад, когда он впервые увидел свою руку после того добровольного укуса, он думал: граница будет двигаться. Будет ползти к плечу, к шее, к сердцу. Он ждал этого. Готовился. Но граница замерла. Три года. Миллиметр туда, миллиметр обратно — и всё.

«Стойкость: 4 из 10. Связь: 3 из 10».

Строка всплыла в углу зрения — не в глазах, а где-то рядом, на границе восприятия. Система «Игры» работала у всех по-разному.

Кто-то видел интерфейс как голограмму, кто-то — как шёпот в ухе, кто-то — как внезапное знание. У него — как

строка на периферии. Он давно перестал удивляться. Никто не помнил, кто это придумал. Но все знали правила.

«Дебафф: Сердцебиение. Осталось: 2 часа до следующей активации».

Он усмехнулся про себя. Система любила напоминать о проклятиях. О благословениях — реже.

Комната была маленькой — три на четыре метра, бывшая кладовка какого-то административного здания на окраине мёртвого города. Когда-то здесь хранили швабры и моющие средства. Пахло им до сих пор — хлоркой, въевшейся в стены навсегда. Теперь — матрас на полу, рюкзак у стены, ведро с водой, ржавая раковина без крана. Дверь — фанерная, на одном шурупе. Он никогда её не запирали. Сюда никто не заходил, кроме своих. А свои не крадут. У них у всех — одна болезнь, одна щетина, одна кровь цвета машинного масла. Он встал босиком. Бетон был холодным — но только для правой ноги. Левая, серая, ступала как по тёплому песку. Ботинки ждали у двери — на два размера больше, чем нужно. Правая стопа после мутации стала шире, а левая осталась прежней. Приходилось подбирать обувь, которая жмёт только одной ноге. Мелочь. Но мелочи в Пустоши сводили с ума быстрее, чем Глуби.

За стеной гудело.

Не храп — гул. Низкий, ровный, как старый трансформатор под нагрузкой. Денис спал. Денис всегда гудел во сне, потому что его лёгкие больше не работали как человеческие.

Он дышал редко, глубоко, с вибрацией, которую можно было почувствовать пятками через бетонный пол. Три года они путешествовали вместе. Три года он слушал этот гул каждую ночь. И иногда — завидовал. Денис спал глубоко. Без снов. Без Лены. Без шёпота.

Денис был Полужомби стадии [U] — «Уровень», как говорила Настя. Тяжёлые изменения.

Половина тела мутировала. Зато — сон без сновидений.

У раковины он достал лезвие. Оно было одноразовое, «Жиллетт», три полоски. Последнее. Когда кончится — будет стричь ножом. Или никак.

Щетина у Полужомби росла в два раза быстрее обычной, и главное — была серой. Не седой. Серой. Как пепел над Пустошью. Как пыль на руинах. Как его левая рука. Он намочил лицо водой из ведра. Холодная — и всё равно тёплая для серой щеки. Левая половина лица не чувствовала ничего. Правая — остро реагировала на каждый градус. Умываться приходилось аккуратно: одной половине — хорошо, другой — обжигает. Лезвие скребнуло по щеке

Раз.

Щетина падала в раковину. Он смотрел не на себя — на неё. На серые волоски, которые ложились на белую эмаль, как миниатюрные трупы.

Каждый волос — маленький кусочек его, но не его. Живой. Растущий. Значит — он ещё жив. Значит — он ещё.

Два. Три. Четыре.

Кровь на подбородке была почти чёрной. Густой. Пахла железом и чем-то сладким. У Полузомби кровь не красная — тёмная, как отработанное масло. Он сплюнул в раковину. Слюна тоже была с привкусом металла.

В зеркало он не смотрел.

Зеркало висело на стене над раковиной — прямоугольник в дешёвой пластиковой раме, потускневший от времени. Восемь месяцев назад он разбил его кулаком.

Не со зла. Не от страха. Просто — зашёл, увидел, и разбил. Потому что отражение моргнуло на полсекунды позже, чем он сам. С тех пор зеркало он обходил. Мылся вслепую. Брился, глядя в раковину. Учился жить без своего лица. Сегодня, впрочем, рука дрогнула. Лезвие чиркнуло глубже, чем нужно, по розовой стороне подбородка. Кровь — тёмная, густая — поползла по шее. Он выругался про себя. Вытер рукавом. Кровь оставила на серой ткани тёмное пятно, похожее на ржавчину

«Регенерация активна. Время заживления: 12 минут».

Система подсказывала. Он кивнул сам себе. Двенадцать минут — это быстро. В два раза быстрее, чем у человека. Это плюс. Это — причина, по которой он согласился на укусы три года назад. Чтобы выжить. Чтобы стать сильнее, когда мародёры забрали у него всё, кроме злости

Коридор первого этажа был длинным и тёмным. Провода свисали с потолка, как лианы в заброшенном храме. Лампы

не горели три года — электричество закончилось одним из первых. Но света хватало: через разбитые окна лился серый свет Пустоши, ложился на бетон прямоугольниками, и в этих прямоугольниках плясала пыль. Он шёл босиком. Ботинки нёс в руке. Подошва шуршала по крошке бетона и осколкам стекла. Где-то в глубине здания капала вода — ровно, мерно, как метроном. Кап. Кап. Кап. Звук, от которого в первые месяцы после Выгорания сходили с ума. Теперь — фон. Привычный, как собственный пульс.

На втором этаже пахло дымом. Костёр. В металлической бочке, в бывшем актовом зале. Бочка стояла там три года, обложенная кирпичами, и никогда не остывала полностью. Угли тлели всегда — на случай, если придётся срочно согреться или вскипятить воду.

У огня сидела женщина. *Настя. Лекарь. Стадия [R] — «Разлом».*

Серая кожа на предплечьях, серая кожа на шее, серые пятна на щеках. Заметные мутации. Холодная на ощупь. Двигающаяся неестественно плавно — будто суставы работали не так, как у обычного человека.

Она резала себя.

Скальпель — хирургический, из прошлой жизни, с гравировкой «Н. Ковалёва, ординатура» — скользил по серой коже левого предплечья. Тонкая лента мертвой ткани отделялась и падала в огонь. Вспыхивала жёлтым. Гасла.

Она не поднимала головы. Знаком, что он вошёл, для неё

был звук его шагов — определённый ритм, определённая тяжесть. Каждый в группе ступал по-своему. Женя — легко, почти не касаясь пола. Денис — тяжело, всей массой, с паузой после каждого шага. Максим — ровно, по-военному, пятка-носок.

— Утро, — сказал он. — Утро.

Она не смотрела. Резала. Считала про себя — он видел, как шевелятся губы. Два и четыре сантиметра от локтя. Вчера было два и три. Один сантиметр за четыре дня. Она вела дневник некроза. Каждый день. Каждый миллиметр. Как картограф, составляющий карту страны, которая его поглощает. — Кофе нет, — сказала она. — Чай кончился. Есть вода и подозрение, что вода тоже скоро кончится.

Он сел напротив, на перевёрнутый ящик. Подтянул колени к груди. Посмотрел в огонь.

— Глуби прошлой ночью?

— Не было. — Настя подняла голову.

Глаза у неё были серыми — не совсем, а с серыми прожилками, как трещины во льду.

— Но Женя слышал. Где-то к северо-западу. Пять или шесть особей. Шли в сторону «Звёздного».

— К Артёму?

— К Артёму.

Они замолчали. В огне трещала доска. Где-то наверху, на третьем этаже, скрипнула половица — ветер, наверное, или крыса. Здание жило своей жизнью, умирало своей смертью,

медленно, как всё в этом мире.

— Мертвец опять пришёл во сне, — сказала Настя вдруг. — Не Лена на этот раз... Другой человек. Мужчина. Голос тихий. Просил передать: «Колодец за школой. Двенадцать метров. Вода чистая». Я не знаю, кто это. Я не знаю, где эта школа.

Максим кивнул. Мёртвые у Насти говорили часто. Не все, не всегда, но часто. Бабушки просили найти очки. Дети звали мам. Мужчины диктовали координаты колодцев и схрон. Она записывала. Никогда не проверяла — не было времени. Но один раз, полгода назад, проверила. И нашла колодец. С чистой водой. На двенадцать метров.

С тех пор она не спорит с мёртвыми. Просто записывает. — Голоса — это не галлюцинации? — спросил он в сотый раз. — Ты задаёшь этот вопрос каждую неделю. — Я проверяю. — Ты регистрируешь. Это не одно и то же.

Он усмехнулся. Настя всегда поправляла его в словах. Она была врачом. Она знала, что слово — это диагноз. Неточное слово — неточный диагноз. Неточный диагноз — мёртвый пациент.

За стеной, где спал Денис, гул стих. Значит — проснулся. Или пришёл в себя, как говорила Настя. Денис не просыпался — он возвращался откуда-то, куда уходил во сне. Никто не знал, куда.

В углу актового зала, на свёрнутом спальнике, сидел мальчик.

Женя. Опустошённый. Стадия [Е] — «Эпик».

Внешне почти человек, только бледный, и запах от него странный — не тленный, а какой-то пустой, как от пустой комнаты, которую давно не проветривали. Двенадцать или тринадцать лет — никто не знал точно. Он сам не знал. Не помнил.

Он считал пуговицы. У него был Маленький холщовый мешочек. Из него он высыпал содержимое на спальник и перебирал по одной. Белая, четыре дырки. Чёрная, две дырки. Синяя, с якорем. Жёлтая, пластмассовая, оплавленная с одного края.

Часто перекладывал их из руки в руку, считал губами, и лицо у него было сосредоточенное, как у сапёра на минном поле.

Девяносто семь. Вчера было девяносто шесть.

Максим смотрел на него и не мог понять: это ритуал? Компенсация? Способ удержать мир в границах?

Когда ты не помнишь собственного имени, когда не помнишь лица матери — только запах блинов и её крик в конце — пуговицы становятся якорями.

Маленькие, круглые, с дырками. Их можно считать. Их можно пересчитывать. Их можно контролировать.

Денис появился в дверях. Это был человек — по крайней мере, так он выглядел три года назад.

Теперь — несущий. Стадия [U].

Огромный, под два метра, с непропорционально длинны-

ми руками. Кожа серо-зелёная, бугристая. Половина лица не двигалась — паралич или мутация, никто не разбирался.

Глаза — .его глаза! Они были разные: один карий, человеческий, другой — белёсый, как у варёной рыбы.

Он не говорил. Не мог. он молчал уже три года уже как. Его речевые центры атрофировались или были съедены мутацией., но он звучал: мычал, хрипел, булькал, скрипел звуками.

За три года группа его язык — не выучила, а придумала. Бульк — да. Хррр — нет. Мммм-ааа — Настя, тепло, безопасность. Тихий вой — страх.

Денис подошёл к огню. Сел. Медленно, как садятся старики или раненые. Протянул к огню руки — огромные, с узлами вен.

«Бульк», — сказал он. Утвердительно.

— Доброе, — ответил Максим.

Денис кивнул. Посмотрел на Настю. Посмотрел на Женю. Посмотрел на огонь. И замер. Это было его состояние по умолчанию — замереть. Ждать. Быть. Он был живым инвентарём.

В его теле, под кожей, в хирургически созданных карманах — Настя делала операцию два года назад — хранились артефакты. Коды. Ключи.

Странные предметы, найденные в Пустоши, которые нельзя было носить в рюкзаке — они «жгли» ткань и плавили молнии. В Денисе — не жгли. Он не чувствовал. Или

чувствовал и терпел.

Максим достал из рюкзака карту. Не настоящую — от руки, на обороте старого плаката «Соблюдайте дистанцию». На нем от руки корявым почерком были начерчены линии, кружочки, стрелочки. Их путь за последний месяц.

Они шли с юга на север, зигзагом, обходя аномальные зоны, мёртвые города, места, где водились стаи Глубей. Теперь — прямая линия. На север. К «Звёздному».

— Зачем туда? — Настя посмотрела на карту.

— Там люди. Настоящие. Не Полужомби. Живые. У Артёма — пятнадцать человек. Чистые.

— Слишком чистые. — Настя произнесла это так, будто слово имело вкус, и вкус был неприятный. — Три года Пустоши — и ни одного шрама. Ты это видел когда-нибудь? — Может, бережёт их.

— Может. А может — прячет.

Он свернул карту. Сунул в рюкзак. Посмотрел в окно — в разбитое, с торчащими осколками, как гнилыми зубами. Серое небо. Серая Пустошь. Остовы машин, торчащие из пыли, как скелеты доисторических животных.

— Настя.

— Да?

— Ты веришь в призраков?

Она замерла. Скальпель в руке. Огонь трещал. Капала вода где-то в глубине здания. Денис тихо дышал. Женя считал пуговицы.

— Я слышу мёртвых, — сказала она наконец. — Это не то же самое. Призрак — это не тот, кто умер. Призрак — это тот, кто не ушёл. Тот, у кого есть дело. Незаконченное. Непрощённое.

— У Вики было дело?

Настя посмотрела на него долго. Так смотрят врачи, когда подозревают диагноз, но не хотят говорить вслух.

— Откуда ты знаешь её имя?

Он замер. Действительно. Откуда?

Вика. Имя всплыло в голове — как всплывают строки интерфейса. Как всплывают цифры: три часа сорок семь минут сна. Как всплывают координаты: север, «Звёздный».

Оно было. Как будто всегда было. Как будто он знал его с детства. Но самое интересное — он не знал. Более того никогда не слышал этого имени. Никогда не встречал девушки по имени Вика.

— Не знаю, — сказал он.

— Я тоже не знаю, — помолчав ответила Настя. — Но я слышала. Один раз. Три дня назад. Ночью. Голос — женский, молодой. Шептал имя. Моё. Тихо-тихо. Как будто боялась, что её услышит кто-то ещё. Кто-то рядом.

— Кто?

Она не ответила. Посмотрела в огонь. Скальпель в её руке дрогнул — едва заметно, но он увидел. У следопыта глаз острый. Он видит то, чего не видят другие. Видит следы, видит тени, видит дрожь в руке, которая не должна дрожать.

— Кто-то держал её, — помедлив, сказала Настя. — Там, где она сейчас. Держал и не пускал. Теперь — пустил. Или она сама вырвалась.

Максим встал. Подошёл к окну.

Ветер принёс запах — не пыли, не металла, не гнили. Что-то другое. Тонкое. Сладковатое. Свечной воск.

Он узнал его сразу, хотя не мог вспомнить, откуда... Может, из детства. Может, из церкви, куда его водила бабушка. Может, откуда то ещё.

Запах был не отсюда. Он оглянулся. Настя тоже смотрела на него — значит, чувствовала. Денис замер, ноздри раздулись.

Женя перестал считать пуговицы. — Пахнет, — сказал Женя тихо.

— Воск, — кивнул Максим. — Свечной. — Да.

«Связь: +1. Обнаружено присутствие: неизвестная сущность. Класс: Потусторонний».

Строка всплыла в углу зрения — и тут же погасла, будто её стерли.

Система «Игры» редко давала подсказки о сверхъестественном. Чаще всего это были подсказки — о физических угрозах: Глуби, аномалии, голод, холод.

А это — было чем-то новым. На полу, у самого подоконника, лежала пыль — серая, мелкая, обычная, но в пыли проглядывал след. не просто след, — а маленький. босой. пять пальцев.

Он присел (сел на корточки). Посмотрел ближе. Пыль не была тронута ветром — след был чёткий, свежий.

Сделан — когда? Минуту назад? Две? Он был в комнате, брился, умывался. Настя резала некроз. Женя считал пуговицы. Денис спал.

Кто вошёл? Он провёл пальцем рядом со следом — не касаясь. Пыль шевельнулась. Будто от ветра. Но ветра в комнате не было.

— Не трогай, — сказала Настя за спиной. Он отдёргнул руку. Посмотрел на неё. — Это не след, — сказала она. — Это отпечаток. Разница — в направлении. След оставляют, идя. Отпечаток оставляют, стоя. Она стояла здесь. Смотрела в окно. На нас. Она. Не «что-то». Не «сущность». Она.

Максим посмотрел на след. Маленький. Босой. Женский. — Вика? — сказал он.

Имя сорвалось с языка само. Настя кивнула. Медленно. Как будто сама удивилась, что согласилась. — Вика.

Денис вдруг встал. Все обернулись. Денис вставал редко и только по делу. Если он встал — значит, что-то случилось. Что-то, что он почувствовал раньше, чем все остальные.

Он подошёл к окну. Огромный, серый, с белёсым глазом. Посмотрел вниз. На Пустошь. Потом — завыл. Тихо. Не угрожающе. Не в ярости. Тихо, почти жалобно. Как воеет собака, почуявшая, что хозяин не вернётся.

Максим подошёл к окну. Посмотрел вниз. Пустошь. Пыль. Остовы машин. Серый свет. И — фигура.

Вдалеке. Метрах в трёхстах. Шла по дороге. Не по Пустоши, где все ходят, а именно по дороге — по той, которая когда-то была асфальтом. Шла медленно. Босиком. В платье — он видел отсюда, что в платье. Волосы — тёмные, ниже плеч. Она остановилась. Подняла голову. Посмотрела — сюда. На окно. На них.

Максим не мог разобрать лица с такого расстояния. Но он почувствовал — она видит его. Видит каждого.»

Опасность: 8 из 10. Контакт: возможен. , — Строка всплыла и погасла.

Фигура подняла руку. Не грозила. Не звала. Просто — подняла. И указала. На север. В сторону «Звёздного». Потом — опустила руку. Развернулась. Пошла.

Максим смотрел, как она удаляется. Как серое платье сливается с серой пылью. Как силуэт становится меньше. И меньше. И меньше. И — растворяется. Не исчезает. Не прячется за холмом. Растворяется. Как дым. Как пар на стекле. Как слово, которое забываешь на середине фразы. Он стоял долго. Смотрел в пустоту, где только что был кто-то.

— Ты видел? — спросил Женя за спиной.

— Видел.

— Это она?

— Да.

— Она позвала нас.

— Да.

— Почему?

Максим не ответил. Потому что не знал. Потому что в мире, где призраки указывают дорогу, где мёртвые диктуют координаты колодцев, где система «Игры» всплывает в углу зрения — почему не имело значения.

Имело значение только куда. А куда — было ясно. Он повернулся к группе.

Настя убирала скальпель в чехол. Женя ссыпал пуговицы обратно в мешочек. Денис стоял у окна и смотрел в пыль, где уже не было следа — ветер, настоящий ветер, засыпал его за минуту.

— Собираемся, — сказал Максим. — Идём.

— Куда? — спросил Женя.

— К «Звёздному».

— К Артёму?

— К Артёму. И к ней.

Настя застегнула чехол. Посмотрела на него. — Ты уверен? Артём — не тот, к кому идут за ответами. Артём — тот, от кого уходят.

— Я знаю.

— И всё равно?

— Она указала дорогу. — Максим кивнул в окно. — А следопыты идут по следам. По чужим. Даже если след — не на земле.

Настя помолчала. Потом — усмехнулась. Криво. Горько. — Ладно, Тень. Веди. Она впервые за долгое время назвала его так. Тень. Это было его прозвище — не настоящее, не

имя, а название. Максим «Тень». Следопыт второго уровня. Тот, кто ходит там, где другие не видят.

Они собирались молча. Быстро. Рюкзаки, оружие, вода. Денис подхватил самый тяжёлый рюкзак одной рукой — у него была свержсила, побочный эффект стадии [U].

Женя засунул мешочек с пуговицами во внутренний карман, ближе к сердцу.

Настя проверила аптечку — не для себя, для других. Себя она лечить не могла. Когда они вышли на улицу, серый свет Пустоши ударил в глаза. Ветер — настоящий, не тот, что был в комнате — нёс пыль и тот самый запах. Воск. Свечной воск. Он был везде теперь. Не сильный, не навязчивый. Фоновый. Как будто сам мир пропитался им.

Они шли на север. Максим — первым. Настя — второй. Женя — третьим. Денис — замыкающим. Всегда так. Следопыт видит следы. Лекарь видит угрозы телу. Опустошённый — чувствует чужую боль. Несущий — защищает спину.

Пустошь гудела. Низко. На грани. Земля дышала им в спину. Они шли уже час, когда Женя остановился.

— Пуговица, — сказал он.

Все остановились. На дороге — серой, пыльной, мертвой — лежала пуговица. Белая. Четыре дырки. Чистая. Будто только что упала. Будто кто-то шёл, и у него оторвалась, и он не заметил.

Женя поднял её. Подул. Положил в мешочек. — Девяносто восемь, — сказал он. — Белая. Второй такой нет.

Максим посмотрел назад. На дорогу, по которой они пришли. Пыль лежала ровно. Следов не было. Ни их. Ни чьих-то ещё. Но пуговица — была. И запах воска — усилился.

Он посмотрел на север.

Где-то там, за горизонтом, был «Звёздный». Бывший торговый центр.

Община Артёма. Пятнадцать живых людей. И одна — мёртвая. Которая шла впереди. И оставляла пуговицы.

Максим поправил рюкзак. Сделал шаг. — Идём, — сказал он.

И они пошли. Туда, где серый свет становился гуще. Где воздух пах воском. Где где-то впереди ждала девушка, которой не было. И человек, который, возможно, знал, почему её нет.

КВЕСТ: «ПЕПЕЛ НАД ПУСТОШЬЮ» Статус: ВЫПОЛНЕН Награда: +1 день жизни. Найден: След Вики.

Бонус: Пуговица 98 (белая).

Новый квест: «ЗОВ СЕВЕРА»

Цель: Дойти до «Звёздного». Статус: Начат.

Глава 2 «ЗОВ СЕВЕРА»

КВЕСТ: «ЗОВ СЕВЕРА»

Тип: Основной. Пешком.

Цель: Дойти до «Звёздного». Расстояние: ~18 км.

Побочные цели: 1. Не потерять Дениса 2. Найти пуговицу для Жени 3. Не слушать храп на привале

Штраф: Слушать храп Дениса.

Дорога не была дорогой.

То, что когда-то называлось шоссе — асфальт, разметка, обочина — теперь представляло собой серую ленту, присыпанную пылью. Асфальт потрескался, как кожа старого слона, и в трещинах росло что-то странное: не трава, не мох,

а *чёрные волосы*. Тонкие, как нитки, высотой по щиколотку. Они не шелестели на ветру — стояли неподвижно, будто прислушивались.

Группа шла по центру дороги. Обочины здесь были опасны: в колеях, пробитых когда-то грузовиками, скапливалась пыль, а в пыли иногда *жило*. Не Глуби — те предпочитали руины, укрытия, тени. Жило что-то *другое*. Мелкое. Быстрое. То, что выскакивало из-под ног и кусало за щиколотку — не больно, но с *последствиями*. Настя один раз лечила такой укус три дня. Пациент выжил. Но перестал различать цвета.

«Стойкость: 4/10. Усталость: 12%. Голод: отсутствует (следствие мутации)».

Строка всплыла в углу зрения — привычно, ненавязчиво. Система «Игры» следила за состоянием, как старый фитнес-браслет, только вместо шагов считала *выживание*.

Первым шёл он — следопыт. Не потому что так решили, а потому что так *было*. Тело шире, шаг увереннее, зрение острее. Левая половина лица не чувствовала ветра, правая — чувствовала каждый порыв, каждую пылинку, каждое изменение влажности. Это было полезно: одной половиной он видел мир, другой — *ощущал*.

Второй — Настя. Скальпель в чехле на поясе. Рюкзак с аптечкой — лёгкий, собранный за три года до автоматизма. Она смотрела не под ноги — смотрела *вокруг*. На горизонт. На тени. На всё, что могло быть угрозой для тел.

Третьим — Женя. Маленький, бледный, с мешочком у сердца. Он шёл и считал шаги. Не специально — просто считал. Мир для него был последовательностью чисел: шаги, пуговицы, дни. Числа не ввали. Числа не предавали. Числа были *якорями*.

Замыкал — Денис. Огромный, серый, с белёсым глазом. Он нёс самый тяжёлый рюкзак одной рукой, как пустой. Второй рукой — ничего. Просто шёл. Медленно. С паузой после каждого шага, будто обдумывал: стоит ли делать следующий.

Пустошь гудела.

Низко. На грани слышимости. Не ушами — *животом*. Земля дышала им в спину, выдыхала в лицо, обволакивала, как одеяло, которое слишком тяжелое, чтобы сбросить.

Ветер нёс пыль. Пыль оседала на одежде, на коже, в волосах. Пыль пахла металлом и чем-то сладковатым — гнилью, которая не была гнилью, а была *чем-то ещё*. Чем-то, что росло на руинах и питалось бетоном.

Они шли уже два часа.

Солнце не двигалось. Оно *висело* — серое пятно за серой пеленой, как лампа, которую забыли выключить. Время здесь текло не так, как раньше. Не «утро, день, вечер», а «серый, серый, серый». Иногда — вспышка аномалии на горизонте (синий огонь без дыма). Иногда — скрип далёкой конструкции, рушащейся под собственным весом. Иногда — тишина, которая была *громче* любого звука.

«Расстояние до цели: ~16 км. Время в пути: ~4 часа».

Система подсчитывала. Он не смотрел на строку — знал и так. Следопыт чувствует расстояние ногами. Восемнадцать километров по Пустоши — это не восемнадцать километров по асфальту. Это — восемь часов. Или десять. Или *никогда*, если встретишь стаю Глубей.

Первый привал — через три часа. Второй — через шесть. Если повезёт — дойдут засветло. Если нет — ночёвка в Пустоши. А ночь в Пустоши — это не ночь. Это *другое*.

Денис остановился.

Все остановились. Когда Денис останавливался — это значило что-то. Он не останавливался просто так. Он останавливался, когда *чувствовал*.

Он стоял, глядя на землю. На обочину. На что-то, что лежало в пыли.

Максим подошёл. Остальные — за ним.

На обочине лежал ботинок.

Один. Левый. Чёрный. Кожаный. Со шнурками. Шнурки были *завязаны*. Аккуратно. Бантом. Как будто кто-то снял ботинок, завязал шнурки и поставил на обочину. Ровно. Носком к дороге.

«Обнаружен предмет: Ботинок (одиночный). Класс: Артефакт. Опасность: низкая. Свойство: неизвестно».

Он присел на корточки. Посмотрел ближе.

Ботинок был чистый. Не пыльный. Не грязный. Чистый. Будто его только что протёрли. Кожа — мягкая, без трещин. Подошва — не стёртая. Шнурки — белые. Новые.

Это было невозможно.

В Пустоши не бывает чистых вещей. Пыль оседает на всё за часы. За три года — всё должно было превратиться в серый ком. А этот ботинок — как из магазина. Как из витрины. Как из *другого мира*.

— Не трогай, — сказала Настя.

— Я не трогаю.

— Ты *смотришь*. Это тоже контакт.

Он встал. Отошёл на шаг.

— Чей? — спросил Женя.

— Ничей, — ответил Максим. — Одинокие ботинки в Пустоши — ничейные. Это правило.

— Почему?

— Потому что если ботинок один — значит, второй *где-то ещё*. А если второй где-то ещё — значит, хозяин *рядом*. А если хозяин рядом — значит, он *не хочет*, чтобы его видели.

Женя посмотрел на ботинок. Потом — на дорогу. Потом — снова на ботинок.

— А может, он просто потерял?

— В Пустоши не теряют. В Пустоши *оставляют*. Или *забирают*.

Денис тоже присел рядом с ботинком. Огромный, серый, с белёсым глазом. Посмотрел на него. Долго. Потом — *булькнул*.

— Что он сказал? — спросил Женя.

— Не знаю, — сказала Настя. — Может, «красивый». Мо-

жет, «опасный». Может, «хочу».

Денис протянул руку к ботинку.

— Денис, нет, — сказал Максим.

Денис замер. Рука в воздухе. Посмотрел на Максима. Посмотрел на ботинок. Посмотрел на Настю.

— Мммм-ааа? — спросил он. Вопросительно.

— Нет, — повторила Настя. — Не трогай. Мы не знаем, что это.

Денис убрал руку. Встал. Посмотрел на ботинок последний раз. И *булькнул* снова. Утвердительно. Будто сказал: «Ладно. Не трогаю. Но мне нравится.»

Они пошли дальше.

Ботинок остался на обочине. Чистый. Одинокий. С завязанными шнурками. Носком к дороге. Будто ждал кого-то.

Через час — ещё один привал. Короткий. Пять минут. Попить воды.

Вода была тёплой. Фляги висели на поясах, и вода в них нагревалась от тела. Пить тёплую воду в Пустоши — это как пить чай в морге: технически возможно, эмоционально — нет.

Они сидели на перевёрнутом бетонном блоке. Блок когда-то был частью здания. Теперь — скамейка.

— Сколько ещё? — спросил Женя.

— Часа три, — ответил Максим.

— Ты сказал «часа три» час назад.

— Значит, ещё часа три.

— Это не математика.

— Это Пустошь. Тут своя математика.

Женя замолк. Достал мешочек. Высыпал пуговицы на ладонь. Пересчитал. Ссыпал обратно.

— Девяносто восемь, — сказал он. — Всё на месте.

— Молодец.

— А если потеряю?

— Не потеряешь.

— А если?

— Тогда найдём другую.

— А если не найдём?

— Тогда будет девяносто семь. И это тоже нормально.

Женя посмотрел на него. Серьёзно. Так смотрят дети, когда пытаются понять, врёт взрослый или нет.

— Ты врёшь, — сказал он.

— Нет.

— Врёшь. Девяносто семь — это *другое*. Это *не нормально*.

Максим не ответил. Потому что мальчик был прав. Девяносто семь — это *другое*. Это — *минус один*. Это — *потеря*. А в мире, где ты не помнишь собственного имени, потеря пуговицы — это потеря *якоря*.

Настя смотрела на горизонт. Скальпель в чехле. Рюкзак с аптечкой.

— Денис, — сказала она вдруг.

Денис поднял голову. Он сидел рядом, на земле, и *жевал*.

Ветку. Сухую. Серую.

— Денис. Выплюнь.

— Бульк.

— Выплюнь. Ветку.

— Мммм-ааа?

— Это не еда.

— Бульк!

— Это *не еда*. Это ветка. Сухая. Серая. Несъедобная.

Денис посмотрел на ветку. Посмотрел на Настю. Посмотрел на ветку снова.

— Кх-кх-кх, — сказал он.

— Он смеётся, — сказала Настя. — Он надо мной смеётся.

— Он не смеётся, — сказал Максим. — Он кашляет.

— Он *смеётся*. Я знаю. Он всегда так, когда я говорю ему не есть ветки.

Денис выплюнул ветку. Взял другую.

— Денис!

— Бульк!

— Если ты съешь эту ветку, у тебя будет заноза. В желудке. Я не буду её доставать. Настя не будет. Женя не будет. Ты будешь ходить с занозой в желудке и булькать.

Денис посмотрел на него. Долго. Серьёзно. Потом — выплюнул вторую ветку. Кивнул.

— Молодец, — сказал Максим.

Денис улыбнулся. Криво. Половина лица не двигалась. Но

вторая — улыбнулась.

И они пошли дальше.

Пустошь менялась.

Не резко — постепенно. Как будто кто-то крутил ручку настройки, и картинка становилась *другой*. Пыль становилась гуще. Чёрные волоски на обочине — выше. Гул земли — громче.

И запах. Запах воска усиливался.

Он был везде теперь. Не сильный, не навязчивый. *Фоновый*. Как будто сам воздух пропитался им. Как будто мир *помнил* что-то, и это что-то пахло свечами.

— Чувствуете? — спросила Настя.

— Воск, — ответил Максим.

— Сильнее, чем утром.

— Да.

— Она близко.

— Кто?

— Вика.

Он не спросил, почему Настя уверена. Он *знал*. Следопыт чувствует следы. Лекарь чувствует присутствие. Они оба — чувствовали.

**«Связь: +2. Присутствие: Потусторонний (рядом).
Опасность: 8/10».**

Строка всплыла — и погасла. Система не любила говорить о сверхъестественном. Система предпочитала физические угрозы: Глуби, аномалии, голод. А *это* — было чем-то,

что система не понимала. Или не хотела понимать.

Они шли молча.

Пыль скрипела под ногами. Гул земли вибрировал в пятках. Ветер нёс запах воска.

И вдруг — Женя остановился.

— Пуговица, — сказал он.

Все остановились.

На дороге — серой, пыльной, мёртвой — лежала пуговица.

Красная. Две дырки. Пластмассовая. Чистая. Как будто только что упала. Как будто кто-то шёл, и у него оторвалась, и он не заметил.

Но они шли по этой дороге уже час. И никто не шёл навстречу. И никто не шёл за ними.

Женя# (присел). Поднял пуговицу. Подул на неё. Положил в мешочек.

— Девяносто девять, — сказал он. — Красная. Второй такой нет.

Максим посмотрел назад. На дорогу, по которой они пришли. Пыль лежала ровно. Следов не было. Ни их. Ни *чьих-то ещё*.

Но пуговица — была.

— Она идёт впереди, — сказала Настя тихо. — И оставляет их. Для тебя.

— Зачем?

— Не знаю. Может, чтобы ты не боялся. Может, чтобы ты

шёл. Может, чтобы ты *помнил*, что она — *здесь*.

Женя сжал мешочек. Посмотрел на дорогу. На пыль. На горизонт.

— Она добрая? — спросил он.

Настя посмотрела на Максима. Максим посмотрел на Настю.

— Не знаю, — сказала Настя. — Но она *не злая*. Злые не оставляют пуговиц. Злые забирают.

Они шли ещё час.

Солнце не двигалось. Время не текло. Пустошь гудела. Ветер нёс пыль.

И вдруг — Денис остановился.

Все остановились.

Денис стоял, глядя на горизонт. На север. Туда, где должно было быть что-то.

Максим подошёл. Посмотрел.

На горизонте — *что-то*.

Не здание. Не руины. *Что-то*. Серое. Большое. С буквами. Буквы — ржавые, но читаемые. «ЗВЁЗДНЫЙ». Бывший торговый центр. Их цель.

Но что-то было *не так*.

Он прищурился. Следопыт видит дальше обычного. Левый глаз — серый, мутировавший, видит в два раза лучше правого. Он *всмотрелся*.

«Звёздный» стоял. Бетонный остов, выбитые витрины, парковка, заваленная машинами. Всё как обычно. Всё как

должно быть.

Но — дым.

Тонкий. Серый. Поднимался из крыши. Не чёрный — значит, не пожар. Серый — значит, *что-то горит, но не сильно*. Костёр? Печка? Или — *что-то ещё?*

И — тишина.

Обычно «Звёздный» слышно издалека. Пятнадцать человек — это шум. Голоса. Смех. Плач детей. Лай собак (если есть собаки). Стук молотков (если что-то строят). Но сейчас — тишина. Полная. Абсолютная. Как будто там — *никого*.

«Обнаружена аномалия: Звёздный (цель). Отклонение от нормы: 87%. Рекомендуется: осторожность».

Система предупреждала. Редко. Но метко.

— Видите? — спросил он.

— Дым, — сказала Настя.

— Тишину, — сказал Женья.

— *Ничего*, — булькнул Денис.

Они стояли. Смотрели на горизонт. На «Звёздный». На дым. На тишину.

— Может, они ушли? — спросил Женья.

— Куда? — ответил Максим. — В Пустоши не уходят. В Пустоши *остаются*.

— Может, умерли?

— Пятнадцать человек не умирают одновременно.

— А если — *да?*

Максим не ответил. Потому что не знал. Потому что в ми-

ре, где призраки оставляют пуговицы, где мёртвые диктуют координаты колодцев, где система предупреждает об «отклонениях от нормы» — *может* было возможно.

— Идём, — сказал он. — Медленно. Осторожно. Денис — впереди.

Денис кивнул. Встал первым. Огромный, серый, с белёсым глазом. Пошёл.

Они шли за ним. Медленно. Осторожно. Как идут по минному полю, где мины — не под ногами, а *в голове*.

Чем ближе они подходили, тем *странные* становилось.

Дым — усиливался. Но не пах гарью. Пах — *воском*. Тем самым. Свечным. Как будто в «Звёздном» горели сотни свечей.

Тишина — оставалась. Полная. Абсолютная. Ни голоса. Ни стука. Ни *ничего*.

И — *запах*.

Не только воск. Что-то ещё. Сладковатое. Гнилое. То самое, которым пахла Пустошь. Но — *сильнее*. Как будто в «Звёздном» что-то *умирало*. Медленно. Долго. И запах пропитал стены.

Они подошли к парковке.

Машины стояли. Ржавые. С выбитыми стёклами. С скелетами внутри. В одной — детский рюкзак. Розовый. С еднорогом. Рюкзак был *чистый*. Как ботинок на обочине. Как пуговицы на дороге.

Это было невозможно.

Три года — и чистый рюкзак? В машине, где скелет?

— Не трогай, — сказала Настя.

— Я не трогаю.

— Ты *смотришь*.

Они пошли дальше. К входу. К выбитым дверям. К буквам «ЗВЁЗДНЫЙ», где буква «З» висела на одном болте и качалась на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.